

КАТЯ ЗВЕРЕВА

НИКОЛАС ЯВОРСКИЙ

ГОРОДСКАЯ СКАЗКА

Издательские решения

Катя Зверева
Николас Яворский.
Городская сказка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8179172

ISBN 978-5-4474-0078-1

Аннотация

Николас Яворский – серый кардинал, проходимец и аферист. Окончил Сорбонну, знаком со многими влиятельными людьми, в частности, с «Павлом Гуровым из Санкт-Петербурга». Он герой «ненашего времени», продолжатель традиции «лишних людей».

Катя Ковалевич – московская студентка. Что у них может быть общего? И может ли быть вообще? Об этом они узнают только, встретившись в загадочной и великолепной Праге.

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Катя Зверева Николас Яворский Городская сказка

Часть первая Николас Яворский (Париж, Франция)

Кто-то, шедший по тротуару, испугнул стаю голубей. Серые птицы взлетели вверх шурша крыльями, поднимая пыль и мелкий мусор. Они пролетели несколько метров и опустились на асфальт рядом с длинным фонарем и скамейкой, где кто-то вчера вечером рассыпал семечки.

Было раннее утро. Такое раннее, что полумгла еще окутывала улицу, и туман забирался в карманы куртки идущего, норовил проникнуть под воротник, отчего человек ежился и старался глубже закутаться в шарф. Он шел задумавшись, стуча по асфальту каблуками башмаков, не заметил даже дворника с метлой, растерянно смотревшего на прилетевших голубей.

Темные волосы падали ему на лоб, закрывая глаза. Но даже сейчас, когда он шел с опущенной головой от не дава-

ших ему покоя мыслей, прохожий мог увидеть лихорадочный блеск его темно-зеленого взгляда, и, едва увидев, сразу же отшатывался в сторону, словно не желая попасть в поле зрения этого странного человека. «Маг! Алхимик!» – проносилось в голове у пугливого иностранца, наслышанного о мистических явлениях Праги. «Шулер! Аферист! Шпион!» – злобно шептал вздорный старик, выгуливавший ободранную собаку.

Человек шел слегка ссутулив плечи и при этом как-то нервно, резко выбрасывал тело вперед. Кроме того, встретить вы его, вам могло бы показаться, будто он проверяет что-то, спрятанное под курткой, при этом страшно боясь потерять этот предмет, так как время от времени, воровато оглядываясь, он хлопал рукой по внутреннему карману.

Человек шел долго – стуча ботинками по каменистому тротуару, он иногда поднимал взгляд и оглядывал то, что попадалось ему на пути – готические соборы и ратуши, костелы, закрытые еще пабы, магазинчики и спящие дома. Он не взял такси в этот ранний час, потому что явно хотел проветрить голову. Шел долго – может быть, час, может, два, вглядывался в давно забытые очертания Праги. Было похоже, что он приехал издалека.

Человека звали Николас Яворский.

Ему было двадцать семь лет отроду, и он был русский по происхождению – не чех и не поляк, как могло показаться на первый взгляд; имел довольно высокий рост и телосложе-

ние достаточно крепкое и не хилое. Одет был просто: потертые джинсы, ботинки из старой коричневой кожи, клетчатый шарф и мягое пальто темно-синего цвета – ничто из его костюма в это утро не раздражало взгляд своей необычностью. По виду он был совсем как *Павел Гуров из Санкт-Петербурга*, только казался несколько крепче сложенным, имел не такие белоснежные зубы и ел мясо. Кроме этого поразительно-го сходства и ряда несущественных отличий можно назвать, пожалуй, еще одно: Гуров говорил, что *любовь – наркотик*, из чего следовало, что он, Гуров, сам никогда не влюбляется. Яворский был гораздо менее осмотрителен в этой сфере жизни человека и подвергался подлой зависимости не раз.

Об этом они часто разговаривали в бытность Яворского в северной столице. Николас в те молодые времена сделал так, чтобы два последних этажа Дома Дингера достались именно Павлу и его небольшому бизнес-начинанию, после чего их знакомство стало чуть более дружеским и неформальным, чем деловым – настолько, насколько эта два человека вообще могли дружить.

Яворский шел по Карлову мосту, окутанному утренним туманом, и скульптуры святых каменными глазами глядели на него со своих постаментов. Аромат древесной туалетной воды тянулся позади него, оставляя еле уловимый след. Полы пальто развевались, действительно делая его похожим на мага. Яворский усмехнулся. Красная полоска солнца уже показалась из-за горизонта. Пражский ветер лох-

матил ему волосы, приносил аромат утренней Влтавы и рождающегося дня.

Он посмотрел на часы, которые висели на ратуше, и ускорил шаг: стрелки приближались к пяти часам утра. Скоро улицы начнут наполняться людьми.

Через четверть часа он появился перед домом желтого, вытертого от времени кирпича в Малой стране. Зашел в подъезд, не обратив внимания на радостно кинувшего «Доброе утро, пан Николас!» консьержа и поднялся на пятый этаж. Оказавшись в квартире, устало оперся об стену и оглядел свое место в мире, которое занимал летом – между своим четвертым и пятым годом в Сорбонне.

Здесь все было по-прежнему. Простое, но просторное жилье для молодого, ни с кем ничем не связанного мужчины. Бар в гостиной, вазы из богемского стекла на барной стойке, старинные пыльные винные бутылки и скрипка в углу – скрипка, которую она так и не забрала. Кускам ткани удалось спасти от пыли только кресло в гостиной, кровать в спальне и пару стульев.

Он осторожно достал из внутреннего кармана куртки мягкую фотографию, долго глядел на нее, вчитывался в строчки, написанные на обороте, и хмурил брови.

Повесив куртку на вешалку в прихожей, скинув ботинки (которые с гулким стуком упали на пол) и, задернув шторы, при этом окинув быстрым взглядом улицу вниз, он лег на кровать с явным намерением проспать до позднего вече-

ра.

На крыше Дома Дингера есть знаменательная для Петербурга достопримечательность – купол Дома Дингера. Гуров говорил, что подсветка купола зависит исключительно от курса доллара, а не от его собственного, гуровского, настроения.

– Вот она от тебя ушла, и как это помогло тебе? – говорил Гуров, запивая свои горькие слова водой без газа. – Как это улучшило твою жизнь?

– Но человек не должен быть один, – возражал ему Яворский. – Это скучно. Это нерационально. Тогда ради чего все? Вот ради чего ты работаешь каждый день? – Тогда Николас носил усы, модную стрижку и вообще выглядел довольно комично, как, впрочем, и Павел – тот не снимал капюшон черной кенгурушки даже ночью, стоя в этом куполе и беседуя с человеком, которого неплохо знал.

– Я бы назвал тебя идеалистом, если бы знал, что это не заденет тебя, – сверкая очками, улыбался Павел.

– Так ради чего?

– Исключительно ради себя самого.

***

Надо сказать, все эти годы Николас вел далеко не праведный образ жизни. И на земле едва ли нашелся хотя бы один человек, которому он не был бы противен. Он скитался по миру, жил даже в России, в Петербурге. Яворский никогда не имел собственного дома, и везде, где жил, арендовал

комнаты или квартиры.

Ему было двадцать семь лет, и, благодаря своим «известнейшим и благороднейшим», русским к тому же, по происхождению предкам, он окончил университет в Сорбонне, откуда вынес много полезного и лишнего одновременно. Он завел было себе дело – купив комнату в кирпичном пятиэтажном здании в Париже, практиковал психотерапевтом. Но страсть ко всему новому, загадочному и неизвестному гнала его все дальше и дальше, в Тибет, в Ирландию и на Кубу, пока он, наконец, не вернулся во Францию, где провел ни много ни мало восемь лет своей жизни.

Яворский довольно холодно относился к женщинам, считая их лишним звеном в жизни человека, но, возможно, это убеждение возникло у него в то самое время, когда Лене покинула его. Лене была немкой – высокой, всегда аккуратной, знающей себе цену женщиной. Она носила длинный хвост и очки в черной оправе. Кажется, она была немногим старше его. С тех пор ее фотография неизменно присутствовала в его бумажнике. Лене тоже была психотерапевтом.

Будучи студентом Сорбонны и живя в маленькой квартирке с видом, Яворский научился ценить произведения искусства и знал им цену. Он полюбил в те годы оперу и частенько заходил в Гранд-Опера, он полюбил скрипки, которые могли играть так страстно и увлекательно, как ни один другой музыкальный инструмент, и после слушал их в лучших консерваториях мира.

Его ждала блестящая карьера доктора, прояви он больше усидчивости и усердия. Но Яворский не хотел заниматься врачеванием душ, кропотливой и долгой работой. Николя (как звали его в колледже) был слишком не заинтересован в том, что принято называть материальными благами и в том, что в наше время характеризует жизненный успех – деньгами. Но, как это часто бывает в наше время, деньги у него были.

Что примечательно, он никогда не находился подолгу в одном месте. Часто, вернувшись из очередного путешествия, через два дня уже уезжал в другой город, а то и в другую страну. Возвращаясь, Яворский становился еще более насмешливым, циничным и замкнутым, чем когда-либо в другое время.

Николас Яворский, несомненно, был красив той особенной красотой, которая отличает человека не столько благородного, сколько долго работавшего над собой и своими мыслями, ибо знание чего-то недоступного пониманию обычного человека неизбежно возвышало его над всеми.

После того, как он окончил Сорбонну, заняться ему было решительно нечем. Он пробовал было работать, но довольно быстро осознал, что работа – не его сильная сторона. В офисе крупного французского банка он постоянно зевал, вытянув длинные ноги в проход «оупен-спейса». И когда руководитель департамента в очередной раз споткнулся о его остроносые ботинки, был уволен.

Собственно, эта поездка в Прагу, и все остальное – все началось с той поздней весны, когда Яворский решительно не знал, что ему делать и чего желать. Он слонялся по знакомым и незнакомым улицам Парижа, по галереям и туристическим маршрутам, которыми никогда до этого не ходил – презирал всячески подобные места во всех городах мира; убивал время в библиотеках и скверах. Что это было – депрессия ли, невроз, нехватка калия и железа в организме, лень – но он пришел к выводу, что ничто более не способно радовать его, как радовало раньше. Ни разного рода авантюры, ни Париж, ни любовница.

«Известная французская писательница Франческа Куаре, автор мировых бестселлеров „Полюбить Моцарта“ и „Кусочек луны“ скончалась в возрасте 70 лет в больнице города Сент-Омер на севере Франции», – прочел он в то время на первой странице одной из бесплатных газет в кофейне на Кур дю Коммерс-Сент-Андре.

В больших стеклянных дверях кофейни отражалось серое парижское утро, шел шестой час утра, и эспрессо показался ему слишком – слишком – горьким. Как это теперь водится, газетную статью репортер закончил словами: «Хотим напомнить, что городок Сент-Омер знаменит своим стекольным производством – именно здесь находится завод „Люминарк“, изготавливающий нашу знаменитую посуду, напоминающую жителям других стран истинный французский дух».

Утром Яворский шел, куда глядят глаза, и, миновав

несколько кварталов, оказался в кафе напротив дома номер восемь по Кур дю Коммерс-Сент-Андре, где в восемнадцатом столетии достопочтенный Марат, блестяще образованный молодой человек и революционер, издавал свою крамольную газету.

«Великую Франческу» он встретил на ее очередной встрече с читателями. На обложке его экземпляра «*La Femme fardée*», женщины в гриме, эта легенда французской литературы, великая и великолепная женщина оставила размашистую запись: «Яворскому, чужестранцу и соотечественнику Тургеневу с любовью от Ф. Куаре». Он поцеловал ей руку и провел около нее весь вечер.

Поэтому теперь, сидя в парижской кофейне на углу улиц, читая эту заметку в бесплатной газете, он не мог сдержать чувств, и горький кофе смешивался с его слезами, а плечи тряслись, как у потерявшегося ребенка.

Да, ясное дело, что возле знаменитых людей – художников, актрис, музыкантов, – всегда крутятся непонятные личности, цели у которых самые разные. Кто-то жаждет куска славы, который неминуемо должен отвалиться от божемного торта, кто-то – любви и денег. Иные же попадают в круг общения знаменитого человека, потому что внизу, «вне», «вместе со всеми другими», находиться слишком тошно.

Яворский определенно не нуждался в деньгах, славе; в любви? – тем более.

***

Напомните, как говорят? «Будьте осторожнее со своими желаниями – они могут исполниться».

В знаменитой пивной, открытой в Париже выходцем из Брно, в округе, который находится дальше всех округов от материального благополучия, часто бывало многолюдно. Здесь собирались те, кого мучила ностальгия по родным лицам, по языку, по жирной и чертовски сытной чешской кухне. Полные, фактурные официанты в длинных белых фартуках и с усами, сновали между крепкими деревянными столами с подносами, полными драников, вепрова колена, жирных колбас на подушке из жареной фиолетовой капусты. Пиво лилось рекой – темное, светлое, с севера и юга Чехии.

Если вам когда-нибудь доводилось бывать в Малостранской пивной, едва спустившись с Карлова моста, то вы поймете, как многолюдно, жарко и сытно может быть в истинно чешской пивной.

Туда-то и направился Яворский тем вечером в июне.

За карточным столом в углу сидели двое. Один из них был щегольски одет: костюм его выглядел дорого и безупречно, и белый ворот рубашки слепил глаза совершенно особенной, аристократичной белизной. Волосы у него были длинные и ухоженные, и над верхней губой проходила тонкая полоска усов. На вид ему было лет тридцать. Другой был лет девятнадцати, при этом находился в сильном подпитии, и, как водится в подобном состоянии, громко выкрикивал брань и всячески показывал, что он-то уж сделает «этого непобе-

димого господина». Этот малый был известен в кабаках под именем Яшки Друбичева, и все знали его как отчаянного выпивоху и скандалиста — он дрался с каждым, кто ему не нравился по той или иной причине, и за это часто получал по зубам. Впрочем, это его не отпугивало, и он продолжал вести распутную жизнь человека из благородной семьи.

Поговаривали, что после одного из таких вечеров Друбичев остался должен кругленькую сумму не самому порядочному гражданину Франции. Расплатился ли он, распуская слухи не уточняли.

Тот, кто сидел сегодня напротив, появился в этих краях совсем недавно, и уже успел стать тем, кого называют «баловнем судьбы» — не было ни одной партии в покер, которую бы он проиграл. Вернее, были, но это являлось скорее исключением, а может быть, его излюбленным ходом, ведь дать сопернику понять, что противник его не так уж и силен в покере — не самый плохой способ нечестной игры, тем более что после этого кроны так и сыпались в его карман. Поэтому-то Яшка Друбичев и вызвал незнакомца «на дуэль» — он хотел показать, что «заграничная спесь и франтовство» не играют в покере никакой роли. Человек с длинными волосами издевательски глядел на пьяную браваду молодого Друбичева, поигрывая золотым портсигаром. Медленно пил коньяк, глядел на мальчишку поверх стакана, и темные глаза его следили за каждым движением хвостуна. Было что-то недоброе в этом взгляде, нехорошее, что-то колючее таилось

в самой их глубине, и, когда он закуривал очередную сигару, этого нельзя было не заметить даже сквозь дым.

Но никто в этом пабе на одной из самых безлюдных улочек Парижа не заглядывал в глаза этого чужого и, несомненно, не вписывающегося в здешнюю обстановку человека. Пьяная брань и ругань висели в воздухе столбом, смешиваясь с дымом дешевых папирос и сигарет, все места были заняты, и то тут, то там слышалось шелканье карт о грязную поверхность игровых столов.

Их партия началась незаметно для остальных – только несколько зевак стояли за спиной Яшки Друбичева.

За окном медленно плыла ночь, и одинокий фонарь вдалеке освещал мощеную улочку и кусок двухэтажного дома с обсыпавшейся со стен штукатуркой. Проехал и вернулся назад старый автомобиль, прошла мимо кабака пьяная и выкрикивающая в ночную мглу ругательства дешевая проститутка вместе с низеньким лысым господином, который держал ее за талию толстыми пальцами, радостно улыбался, глядя на свою очаровательную спутницу, и размахивал галстуком, зажатым в кулаке.

– Мошенник! – вдруг вскочив со стула, закричал взмыленный Друбичев. – Ты подсунул карту! Я видел! Я уже выигрывал тебя! Бастард! Ублюдок! Держи его! – он кричал, продолжая оставаться на месте. Все партии сразу прекратились. Игроки повернули к ним свои головы, но никто не вскочил и не набросился на незнакомца.

Драгомир Брагимович медленно, с достоинством поднялся со стула, обнаружив высокий рост и, когда улыбнулся, — белые зубы. Вытащив из-за пояса старинный револьвер и все так же издевательски улыбаясь, он два раза выстрелил, отчего Яшка Друбичев дернулся и, будто подкошенный, упал на деревянный пол с громким стуком.

Брагимович, опустив пистолет и перестав улыбаться, окинул взглядом испуганных игроков, сделал несколько шагов в сторону двери, обернулся и, прищурившись, несколькими выстрелами разбил все бутылки, стоявшие за спиной бармена. Вышел из кабака на темную улицу, и ночная тьма поглотила этого странного человека.

Но Яворский, куривший в это время на улице, увидел в глазах Брагимовича вовсе не страх или тревогу, как можно было бы ожидать, вовсе нет. Он увидел усмешку. Точно такая же усмешка появлялась в его собственных глазах, когда ему удавалось кого-нибудь удачно обдурить.

Драгомир Брагимович, пройдя несколько шагов, вернулся, вдруг обнял Яворского и после этого скрылся из виду.

***

Несколько недель спустя, на кушетке у окна в доме на левом берегу Влтавы спал уставший, осунувшийся за несколько недель мужчина. «Что? Что ты сказала? Я ничего не слышал! Повтори! Повтори же, черт подери! Ты же не знаешь, как это важно...» — все звучало у него в голове. А он все не мог проснуться, а когда проснулся, долго сжимал голову

руками, морщился от невидимой боли и рвал на себе волосы.

Николасу Яворскому вновь снился тот вечер в кабаке, когда двумя выстрелами был застрелен Яшка Друбичев, вновь Яворский видел человека, выходявшего в ночную мглу, вновь чувствовал, как Брагимович что-то оставляет в кармане его куртки, и вновь девушка со светлыми волосами что-то шептала ему, Яворскому, на ухо, будто знала ответ на все вопросы, будто знала, как решить эту загадку. Но этого попросту не могло быть. И снова он поклялся больше не видеть Лене во сне.

Наконец найдя в себе силы подняться, Николас налил коньяк и подошел к зеркалу. Он засмеялся резким смехом, когда увидел себя. Просто потому что сон вновь повторился, а главного он так и не услышал.

Он долго разглядывал фотографию, где был изображен только что снявшийся ему карточный игрок. На старой фотографии он счастливо улыбался и обнимал женщину со светлыми волосами и искрящимся взглядом. На оборотной стороне этого выцветшего черно-белого снимка тонким красивым подчерком был написан чешский адрес. Женщина на снимке была Франческой Куаре.

Потом Яворский смотрел в окно: город уже вовсю жил и дышал. Солнце слепило глаза, люди не спеша возвращались с обеденного перерыва на свои рабочие места, помахивая в такт шагам портфелями и сумками; стучали по асфальту каблуки, плыли по раскаленным дорогам машины. И ло-

мал голову над тем, что же спрятано по этому адресу в полсотне миль от Праги. И почему ему, Яворскому, Драгомир Брагимович отдал этот снимок, выходя тем вечером из пивной, спрятанной в закоулках Парижа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.